

ГАСТРОЛЕР

Автор:

Андрей Щупов

ГАСТРОЛЕР

Андрей Щупов

Битый, все повидавший и объехавший полмира, Геннадий Килин возвращается в родной город Зарайск, чтобы повидаться с той, которую так и не сумел забыть. Владелец решительного нрава, он обзаводится собственным оруженосцем и совершает одно безумство за другим, в кратчайшие сроки перебаламутив все местные криминальные круги. Поиск давней любви неожиданно превращается в настоящую войну. Но Геннадию нечего терять, поскольку главное он уже потерял. Ничуть не колеблясь, он идет до конца.

ГАСТРОЛЕР

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-8363-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГАСТРОЛЕР

«Дон Кихот... Это был такой рыцарь. Он был одет в железный панцирь. Он Дон Кихота защищал от всяких царапин...»

Маша Иванова, 8 лет

Глава 1

Убаюканный завыванием ветра, Благовещенск спал крепким сном. Он был загадочен, он был благообразен. Россыпь огней посреди черного океана, еще одна пахнущая персидскими самоцветами сказка. Вид ночных городов всегда идилличен. Во всяком случае, сверху и на приличном расстоянии. Как лицо женщины в полумраке...

Темное поле аэродрома убегало в вечность, и никаких автобусов им подавать не собирались. Мыслилось, вероятно, что дистанция невелика, и никто из пассажиров не обезножит, если доберется до здания аэровокзала на своих двоих. Тот незначительный нюанс, что за бортом минус тридцать два, никого не тревожил. Судя по всему, народ здесь обитал крепкий, на нервы и здоровьишко жалующийся крайне редко. Кутаясь в воротники и шарфики, прямо от самолета пассажиры бодро припустили к желанному теплу. Ногами работали от души, и в предположениях своих аборигены не ошиблись. Никто из прилетевших не свалился на полпути, не подвернул ногу и не обратился в ледяную статую. Просто не успели. Мороз подгонял, заставлял греться скоростью. Оставшийся позади лайнер, усталая птичка из серого металла, апатично созерцал, как неуклюжим пузатым жучком-навозником сбоку подбирался автозаправщик. Птичку собирались кормить – и отнюдь не навозом, и птичка не возражала.

Черноволосый смуглый гигант с рельефным итальянским носом, стряхивая с груди снег, вошел в зал ожидания, с любопытством огляделся. Стоптаные волчьи унты, выдавшие виды дубленка, по-детски блестящие глаза. В клубах пара за вошедшим продолжали вваливаться пассажиры, однако приятелей среди них у черноволосого не наблюдалось. Движением закуривающего дорожную сигару гигант сунул в зубы обыкновенную спичку, по-хозяйски заложил руки

за спину и неторопливо двинулся по просторному холлу.

В сущности вокзал был самый обычный, однако кое-что обращало на себя внимание. Во-первых здесь не пахло зоопарком и туалетами. Ну не пахло, и все тут! В отличие от Казанского с Ярославским, в отличие от десятков иных памятных пассажиру вокзальных казематов. И данное обстоятельство ему определенно нравилось. Как прихлещ по сердцу тишина огромного здания, ухоженность буфетной стойки, степенность, с которой вели себя местные бомжи. Таборной сумятицы никто не устраивал, в самых причудливых позах бродяжки бодрствовали и дремали, используя все мало-мальски плоские и теплые поверхности. К деревянным решеткам парового отопления угадывалось даже некое подобие очереди. Соннолицый молоденький милиционер, по возрасту еще мальчик, по обязанностям уже муж, помахивая шлангом-дубинкой, прохаживался вдоль касс, искоса поглядывая на обтрепышей. Судя по всему, здесь предпочитали жить в мире и ладу. Милиция бродяг не тиранила, последнего ночлега не лишала, – те в свою очередь не бузили, плевать деликатно бегали в туалет, не курили и не воровали. Да и то сказать – этим приверженцам уличной романтики было не до того. Как и все прочее человечество, ночью они мечтали о сне. Может быть, забываясь в радужных видениях, они становились на время полноценными гражданами своей горячо любимой родины. В том и прелесть нашей дремотной жизни – уснуть удрученным, а проснуться счастливым.

Черноволосый пассажир засмотрелся на мужичка лет сорока-сорока пяти, сидевшего на корточках у стены, с болезненным наслаждением выковыривающего из ушей золотушные коросты. Экспонат показался ему любопытным. Оттопыренные красные уши, соломенные, давно не мытые волосы, замызганная шапка-ушанка, лихачески сдвинутая на самую макушку. Впрочем, возможно, никуда ее не сдвигали, шапка попросту была мужичку мала. Головой бездомный экспонат обладал несоразмерно большой. Такая вполне могла украсить плечи академика или министра, для рядового благовещенского бомжа она была явно великовата. На миг оторвавшись от своих корост, головастый бомж бросил пытливый взгляд в сторону коллег, бдительно нахмурился. Очередь на комфортную решетку время от времени чуть продвигалась. «Собратья» внимательно следили друг за дружкой. Порядок здесь, судя по всему, чтили и блюли.

Улыбнувшись, черноволосый пассажир, медлительно прошествовал мимо большеголового, на минуту задержался у киоска. За стеклом крохотной витрины

висели гроздья плетеных ремней, детские носочки, какие-то дешевые бусы. Чуть ниже цветным привлекательным пасьянсом были выставлены фотографии обнаженных красоток. Блондинки, брюнетки и даже особи бритые наголо. Вдоволь налюбовавшись дамочками, пассажир повернул обратно. Мельком взглянул на часы. Минутная стрелка едва отползла от отметки, знаменующей недавнее приземление. Как и все в этом зале, он был обречен на зевоту, на томительное бездействие. Воистину человек – скучнейшее из существ! Ему нечего с самим собой делать, не о чем с самим собой поговорить. Он оживляется лишь при появлении собеседника, при включении радио, при первых проблесках телеэкрана. Внешнему – кабзоновское тоекратное «да», внутреннему – одно категорическое «нет». Можно смело делать вывод, что человек добросовестно и честно ненавидит себя. И ясно становится, от кого уползал в свою бочку Диоген, кого искал средь бела дня с фонарем. Не был он филантропом! Ой, не был! Да и встречаются ли они по жизни – истинные филантропы?

Обернувшись на странные звуки, черноволосый пассажир завистливо повел бровью. Уркавая себе под нос, малыш трех или четырех лет, оседлав чемодан, рывками передвигался по мраморному полу. Маленький всадник на кирпичном коне. Вот уж кто точно не чувствовал времени! Потертый чемоданище превращался по желанию мальчугана в мотоцикл, в скакуна, во что угодно. Мальчуган был волшебником, но, наверное, не сознавал этого. Его родители беспечно похрапывали в отдалении, вещами распоряжался малец. И вспомнилось давнее забытое: «Не спите, граждане! Это Одесса!» Милиция, фланирующая по каштановым аллеям, считала своим долгом напоминать окружающим о суровых реалиях юга. Здесь об этом, по счастью, не заговаривали. Они находились в Благовещенске.

Утомленная дама с интеллигентной внешностью и пергидрольными кудрями, в сомнении потоптавшись и пару раз окинув зал смущенным взглядом, неловко присела на каменную ступеньку. Добрый пример не остался без внимания. Кресел не хватало, ноги у людей ныли, и рядом с отважной женщиной, постелив газетку, тут же пристроился старичок с клиновидной бородкой. Стеснительно смежив коленки, опустил на мрамор худосочный студент. К уютной лестнице потихоньку потянулись остальные.

– Давно бы так, – золотушный мужичок хмыкнул. Он-то лучше других знал, что в ногах правды всегда нехватка. – А то маячат на глазах, как эти самые...

– Квартиру, значит, говоришь, пропил? – черноволосый великан сидел рядом. Уже несколько минут он вел беседу с головастым бомжем.

– А то! В три дня пропил! Фига ли! – мужичок улыбнулся с горделивой застенчивостью. – Пять лимонов давали!

– Это за квартиру-то?

– Ну, да. Плюс комнатуху, – движением пса, выкусывающего насекомое, мужичонка свирепо крутанул плечом, привычно пошевелил на макушке шапчонку. Поправлял он ее каждую минуту, и со стороны это выглядело так, будто мужичок почесывает свой удивительно развитый черепок. Впрочем, такая огромная голова имела право чесаться. Возможно, и зудела она вовсе не от грязи, а от жарких, беспрестанно роящихся в ней мыслей.

– С комнатой меня, стало быть, прокололи, но деньжата выдали – все честь по чести, как договаривались.

– Южане, небось?

– Зачем же? Свои, – бродяжка вздохнул. – Пока возили по конторам разным, чтобы я, значит, бумажки им подписывал, угощали постоянно. И заметь, не какой-нибудь бормотой, а первостатейным коньячком. Уж в этом я толк понимаю... Другом опять-таки величали. Памятник обещали соорудить и все такое. Ну, а после, как подписал – все! Сделали ручкой и разбежались.

– Они – по делам, а ты в кабак.

– Точно.

– Деньги уплыли, квартира тоже.

– Ну так... – Мужичонка кашлянул в кулачок. – Вот кабы знать наперед...

– И что бы ты сделал? Вместо пяти лимонов десять потребовал? Или от коньячка первостатейного отказался? – черноволосый пассажир фыркнул. – Нет, братец! Ничего бы ты не сделал и не изменил. Судьба твоя, значит, такая!

– Я ж комнатушку мог сперва выпросить!

– Ну, выпросил бы, а дальше что? Если квартиру в три дня пропил, то с комнатой за сутки бы разделался. Куда как проще! Дурак ты, братец, а дураков жизнь учит. Хочешь жить, живи и не ной. Правильно говорят: человек сам кует свое счастье. Так что – молот тебе в руки и вперед!

– Ага, как же! – Бродяжка чуть привстал, насупленным взглядом побродил по залу. – А вот я тебе покажу сейчас, кузнец-удалец, полюбуешься... Ага! Видишь вон тех двух шалав? Те, что в мешке роются...

– Ну?

– Вот тебе и ну. Сколько знаю их, столько и пьют. Вот с такусеньких лет. Папа с мамой выучили. На свалке родились, там и выросли, там и образование получили. А такие, удалец, много не накуют. Ты думаешь, им по сорок? Фига-с два! И двадцати пяти нет! Ножки, как спичечки, рожи рябые, – такой вот получается молот! Так что иди ты со своим кузнечеством куда подале! Других учи, а меня не надо.

Крякнув, пассажир взглянул на головастого бомжа с оттенком уважения. Поднявшись, шагнул было в сторону, но тут же вернулся.

– Ладно, философ, принято. А теперь подскажи, где тут у вас желудки поправляют? Буфет-то, я вижу, прикрыли.

– Правильно. До шести утра. Но если невтерпеж и деньги водятся, топай через площадь. Там забегаловка. Ночное видео плюс котлеты с капустой.

– Хмм... И почему тамошние котлеты?

– Спросишь, скажут, – мужичонке разговор явно наскучил. Должно быть, обиделся на «дурака». Кивком поблагодарив за совет, пассажир зашагал

к выходу. Покидать теплое помещение, ой, как не хотелось! Однако желудок диктовал свое. От дверей тянуло стилой злобой ко всему живому, за покрытыми изморозью окнами тускло мерцали звезды безжизненного космоса. Достав из кармана вязаную шапочку, черноволосый натянул ее до самых бровей, не без труда преодолев сопротивление тугой пружины, вышел наружу.

Ледяными ладонями стужа огладила щеки, сыпанула в лицо морозным крошевом. Остановившись, пассажир задрал голову. Звездами благовещенский край оказался богат. Яркие, крупные, они беззвучно влекли к себе, покалывали крохотными лучиками. Если б не холод, смотреть бы и смотреть в такое небо. Точно также выглядел город на подлете...

Поежившись, он повертел головой. На небольшой площади парили выхлопами автобусы, одинокое такси безуспешно помаргивало зеленым огоньком. Чуть дальше, за изгородью, где простиралось летное поле, чернели хищные силуэты боевых вертолетов и истребителей. Немудрено. До границы с Китаем чуть больше сорока километров. Без бдительности – никак.

С шипением втянув в себя воздух, черноволосый гигант повернул обратно. Вновь скрипнула чудовищной крепости пружина, зал окутал жилым теплом.

– Слушай, философ, тебя как звать?

– Что, любопытно? – золотушный мужичок склонил голову набок. Страх в нем не чувствовалось. Да и кого бояться? Случайного пришедшего? Он, слава Богу, находится на своей территории. – Ну, предположим, Морис. Что дальше?

– А меня, предположим, Геннадий, – черноволосый кивнул в сторону выхода. – Может, нам вместе прогуляться в эту твою забегаловку? Скучно одному. Посидим, поболтаем. Плачу, разумеется, я.

Последняя фраза оказалась магической. Мужичонка замялся. Уже привстав, в сомнении бросил взгляд в сторону очереди на деревянную решетку. Геннадий фыркнул.

– Брось! Пока до тебя дойдет, утро десять раз наступит. А со мной все надежно. Базар, капуста, видики, котлеты. Если сомневаешься, могу билет продемонстрировать.

– Ладно, пойдем, – Морис поднялся. – А то заблудишься ненароком.

– Билет-то показывать?

Морис думал недолго. Прищурившись, кивнул.

– А как же? Обязательно!..

Глава 2

Забегаловка оказалось не ахти какой, но котлеты с капустой в ней действительно нашлись. Перетрудившийся за день видик временно не работал, но Геннадия это вполне устраивало. Морису было все равно. Чавкая, он припал к тарелке, едва ее поставили перед ним на стол. Было ясно, что он голоден. Полюбовавшись аппетитом соседа, Геннадий попросил повторить порцию и ко всему прочему заказал бутылку вина.

– Это еще для чего? – Морис сухо сглотнул.

– Не бойсь. Пропивать тебе более нечего.

– Тогда зачем?

– А затем, что мы идем к высшей форме эгоизма – ощущению чужой боли, как своей собственной! – продекламировал Геннадий. – Тебе больно, это видно, в моих силах приуменьшить твои страдания.

– Я вовсе не страдаю!

– Ладно заливать. Не страдает он... Все мы – одинаковой масти страдальцы. Покажи мне хоть одного счастливого человека, и я отгрызу свою руку. Хочешь, правую, хочешь, левую. Когда про человека говорят, что он в прострации, на деле подразумевается, что он в просрации. Такой вот никуда негодный каламбур. Мудрецы страдают наравне с глупцами, средние мучатся оттого, что

они средние.

Жадными глазами Морис проследил, как Геннадий разливает вино по неказистым фужерам.

– А ты сам-то, командир, к кому себя причисляешь? Наверняка к мудрецам?

– К средним, дружок! К самым, что ни на есть, средним. Хотя и дипломат. Пару лет протрубил в Канаде, потом Англия, Люксембург – и вот сейчас накручиваю педали из братской Монголии.

– Не поглянулось у чингисханов?

– Отчего же... Монголы тоже люди. Преинтересные! Только устал, Морис. Выдохся. На родину потянуло. Есть у меня, понимаешь, одна заветная программка. Можно сказать, правительственного значения. Все как-то откладывал, а нынче решил взяться. Годы-то идут. Если не я, то кто же?

– Кто же, если не я, – фыркнул Морис. – Как в песне той дурацкой!

– Точно! – Геннадий поднял фужер. – Ну что, камрад? За все сущее на нашей грешной? Винцо, конечно, мутноватое, однако пахнет не ботвой, а виноградом, – уже плюс! В общем не будем привередничать. Ойкнули!

– Ойкнули, – Морис расправился с фужером в мгновение ока и снова схватился за вилку. Сжевав последний котлетный кус, блаженно вздохнул.

– Все, командир, можешь узлами меня вязать, на голову ставить. С милым сердцем спою и станцую.

– Также и с теми южанами было, а?

– Ну, не совсем, но в общем... Слаб я на это дело, верно. Поднесли пару рюмашек и купили с потрохами. Продажный я человек, командир.

– Зови меня Гена. Геннадий Килин. Не надо «командиров».

- Как скажешь. Я теперь на все согласный. Еще фужерчик не возражаешь?
- Один нет, а больше, пожалуй, не стоит. Надо еще долететь. До своей родины.
- А далеко она – твоя родина?

- Четыре часа лету. Славный город Зарайск. Слыхал о таком? Ладно, молчи. Вижу, что нет. А зря. Городок расчудесный. Триста тысяч жителей – и все поголовно в белых штанах... Что хмыкаешь? Не без штанов же им ходить! Кроме того – семь кинотеатров, одна филармония и три вполне приличных техникума. Один из них я между прочим окончил. В энные сроки и в энном году.

- С золотой медалью?

- Говорят же тебе, в энные сроки! Какая, к черту, медаль! Тем паче, что в техникумах медалей не жалуют. Там выдают дипломы. Красные – тем, кто умеет прогибаться, и синие – тем, кто вообще ничего не умеет.

- Какой же диплом получил ты?

- Я, дорогой мой, получил справку об окончании. То, чего, собственно, и хотел.

- И уже потом со справкой перевелся в дипломатический корпус?

Геннадий улыбнулся. Сурово погрозил Морису пальцем

- Ты не прост, камрад! То-то я положил на тебя глаз. Если б не этот свинский запах...

- А что запах? – Морис, кажется, снова готов был обидеться.

- Ты, брат, извини, но правда есть правда. Несет от тебя, как отдохлой псины. Табачище, мочища, тьфу! Тебя ж ни одна порядочная женщина близко к себе не подпустит.

– Вот уж и нет! – Морис понюхал собственный рукав, пожал плечами. – Самый что ни на есть мужской дух.

– Верно. И женщины от него валятся с ног, – Геннадий рассмеялся. – Хорошо, назовем это мужским духом. Подставляй фужер на добавку!

Забегаловка состояла из двух просторных комнат. В одной теснились столики для посетителей, во второй стоял обшарпанный бильярд. Даже сейчас, ночью, там вовсю шло сражение. Костяное перещелкивание шаров напоминало далекую перестрелку.

– Может, допьем? – утерев ладонью губы, Морис нерешительно указал на бутылку. – Не оставлять же?

– Ужин оставь врагу, – задумчиво пробормотал Геннадий. – Не трогай. Это будет твоей первой проверкой.

– Проверкой?

– Именно! – Геннадий достал из кармана коробок, сунул в зубы спичку. – С пагубными привычками отныне покончено, Морис. Талдычат, что это трудно, но вот тебе мой собственный лучезарный пример. Я курил двенадцать лет и благополучно бросил. Правда приходится грызть теперь спички, но сие – мелочь недостойная внимания. Изумителен сам факт отказа. Заметь, абсолютно добровольного! Никакие врачи ничего мне не запрещали. Бросил, потому что обязан был одержать маленькую победу. И одержал. Что поделаешь! Человек, Морис, без подобных побед вырастает размазней.

– Ага, вроде меня, – Морис потянулся к бутылке.

– Стоп! – Геннадий остановил его руку. – Кажется, командир здесь я, не так ли?

– Но ты ведь сам собирался угощать! Вспомни свои слова.

– Я угощал котлетами и капустой. Вино получилось сверх программы. – Геннадий ухватил бутылку за горлышко, скрипнув расшатанными ножками стула, отодвинулся. В деревянной кадке поблизости произрастало нечто чахлое

и лохматое, отдаленно напоминающее пальму. Остатки вина Геннадий без угрызений совести скормил африканскому растению.

– Эвтопии, Морис, приходят на смену утопиям, а копрофаги остаются копрофагами. Жизнь – не спираль, дружок, она сплошной замкнутый круг. Круг надо разрывать, и мы возьмемся за дело с сегодняшнего дня.

– Кто это мы?

– Мы – это мы. Книга была такая у Замятина. Сообщество гуманоидов, разобщенных пространственно, но объединенных идейно. Мы предпочитаем не курить и пьем в меру. Но самое главное – нам некогда скучать. Мы действуем и спасаем.

– Чокнутый, что ли? – Морис опасливо спрятал руки под стол. – Кого спасать-то?

– Всех, кого сможем. А в первую очередь, конечно, самих себя, – Геннадий искоса окинул помещение взглядом. – Чтобы вытянуть из воды тонущего, нужно самому стоять на суше. Или по крайней мере отлично плавать. Вот этому самому искусству мы и будем обучаться.

Геннадий неожиданно преобразился. Лицо его посуровело, глаза наполнились пугающим свинцовым отсветом. Выставив локти на стол, он казенным голосом попросил:

– Документики твои можно? Или таковых не имеется?

Морис суетливо зашарил по сальному пальтецу. Он всерьез перепугался. Мятый, потемневший от грязи паспорт вынырнул из тряпично-шерстяных глубин, покорно лег между тарелкой с недоеденной капустой и пустым фужером.

– Спрячь, – Геннадий, обмякнув, развалился на стуле, беспечно махнул рукой. – Считай, что и вторую проверку прошел. Билет я тебе устрою, в Зарайск полетим вместе.

– В Зарайск? – Морис в волнении шоркнул ладошкой по лицу. Он ничего не понимал. Глаза человека напротив снова насмешливо поблескивали, лицо

излучало миролюбие.

– Не вибрируй, принцип добровольности по-прежнему в силе, – Геннадий забарабанил пальцами по столу. – Не хочешь лететь, оставайся. Жди очереди у парового отопления, подбирай чинарики. Но учти, шанс – что белый лебедь, мимо проплывает лишь раз. Наша беда, что мы его упускаем.

– Что еще за шанс?

– Мне нужен верный человек, помощник. Типа оруженосца Кешки. И чтоб дураком не был, ферштейн?

– А делать чего?

– Что придется. Иногда – работенку курьера, иногда – денщика. Плачу наличманом без всяких бухгалтерских хитростей.

– Зелеными? – вырвалось у Мориса.

Геннадий поморщился.

– Эк, вас всех перепортило-то! Без евро и доллара ни шагу.

– Так ведь я это в общем... То есть, должен быть какой-то трудовой договор. Чтобы, значит, по пунктам...

– По пунктам, дорогой мой, на заводе и в райсобесе, – Геннадий отшвырнул изжеванную спичку, достал новую. – А если требуются гарантии, то их, увы, нет. Однако на то тебе и дана такая огромная голова, чтобы разгадать, порядочный перед тобой человек или нет. Приличное житье-бытье обещаю, но предсказать все в точности не берусь. Что закон, что фатум, что дышло – нам это без разницы. Мы люди сильные, а сильные люди повелевают судьбой, как хотят, – Геннадий вынул из кармана портмоне, купюру, достаточно представительную, сунул под одну из тарелок. – Император Диоклетиан, был такой в Риме правитель, тоже объегорил судьбу. Еще в молодые годы ему предсказали дату свержения и последующей казни. Диоклетиан не стал отмахиваться от брюзжания пророков. Дождавшись срока, наимудрейшим образом отправился

на пенсию. Диоклетиану удалось прожить до глубокой старости.

– Это что, угроза? – голос Мориса сел.

Некоторое время Геннадий невинно моргал, затем, откинувшись на спинку стула, громко расхохотался. Люди за соседними столиками оглянулись. Отсмеявшись, Геннадий умолк. Запахнув полы дубленки, поднялся.

– Ладно, философ. Не вышло, значит, не вышло. Я же сказал: все вполне добровольно. Не поверил, стало быть, такова твоя карма. А я бодисатвой спустился сюда, бодисатвой и уплыву. Хочешь, считай меня Марой. Ни одной из моих дочерей ты не поддался, так что будь спокоен. Нирвана тебе не грозит.

– Э, погодь! Так ты что, шутил? – Морис поднялся за ним следом. – Я ж не понял сразу!

– Сиди, дружок. Куда ты вскочил? За ужин уплачено. Даже с лихвой.

– А, может, я это... Согласный? Может, мне только подумать немного надо!

– Времени мало, дружок. Дозаправка, отдых экипажа – на все про все два с половиной часа, – Геннадий постучал ногтем по циферблату часов. – Как говорила одна многомудрая дама: цигель-цигель.

– Тогда это... Тогда пусть!

– Чего пусть?

– Ну, к примеру, надумал я. Дальше что?

– Дальше? – глаза черноволосого пассажира заискрились откровенным смехом. – Дальше третья и последняя проверка.

– Что еще за проверка?

– Видишь ли, я согласен взять на перевоспитание размазню, но требуются здоровые задатки. Эти самые задатки я и должен у тебя выявить.

– Так это... Выявляй скорей! – Морис тоже раздухарился. Возможно, взбурлила под темечком винная порция, а может, сказала очаровывающая энергия собеседника.

– Что ж... – Геннадий игриво огляделся. – Проверка наипростейшая! Сейчас подойдешь к человеку, на которого укажу, и непринужденно поправишь у него штанину. Объяснишь, что пылинка или ниточка прилипла.

– Что за ерунда?

– Во-во, именно ерунда! – Геннадий согласно кивнул. – Но выполнить ее надо с артистизмом и изящностью, постаравшись при этом не получить по морде.

Морис опешенно глядел на Геннадия. В глазах его вновь читалось знакомое слово: «чокнутый».

– Решайтесь, сударь. Десять секунд на размышление или ухожу.

Морис лихорадочно соображал. На виске его бешено пульсировала жилка – жизненная артерия бомжевского мозга. Наконец, натужно кивнув, он облизал пересохшие губы.

– Хорошо, показывай...

Геннадий немедленно оживился.

– Стало быть, дело за тем, чтобы выбрать подходящую кандидатуру, – он завертел головой, озирая людей, как завзятый психотерапевт. – Так... Здесь, пожалуй, ничего интересного не наблюдается. Значит, перейдем к господам бильярдистам.

Чувствуя недоброе и стремительно потя, Морис побрел за черноволосым великаном. Сейчас он в особенности ощущал свою малость и беззащитность. Своему новому знакомому он едва доставал до плеча.

– Ага! Вот тут-то мы и поживимся! – Геннадий выбирал недолго. Обернувшись к приунывшему Морису, глазами указал на кожаную широкую спину. Двое мужчин сидели в стороне от бильярдного стола и, тужась, ломали друг дружку в арм-рэстлинговом поединке. Хозяин кожанки, бритый, багроволицый парень, был могуч и свиреп. В несколько судорожных рывков он уложил противника и тут же, слюнявя пальцы, стал пересчитывать заработанный выигрыш.

– Что, Костик, очередная победа? – бильярдист в клетчатой рубахе с кием обходил стол, выбирая угол прицеливания. – Поздравляю.

К победам «кожаной курточки» здесь, видимо, привыкли. Никаких возгласов, никаких восторгов. Четверо продолжали загонять шары в лузы. У окна, раскинув ноги в омоновских башмаках, смолил самокрутку зеленолицый оборотень. Как известно, конопля здоровья не прибавляет. Терпкий голубой туман сгущался под потолком, лениво заглатывался чуть приоткрытой форточкой.

– Что же ты? – Геннадий подтолкнул Мориса. Тот уперся. Запрокинув лицо, горячечно зашептал:

– Ты ж не знаешь! Это Костик! Тутошный вышибала... Кладет на руках всех подряд. Он меня по стенке размажет!

– А ты сделай так, чтобы не размазал. Улыбнись, кашляни – дескать, услуга, только и всего.

– Может, нам это... В том зале кого-нибудь поискать?

– Хренушки! Кандидатура выбрана. Твое право решать. Время на оформление билета еще есть, но уже в обрез. Так что не кукуй понапрасну.

Черт его знает, почему он послушался этого взбалмошного незнакомца, но так или иначе Морис решился, Морис напыжился. К «кожаной курточке» он двинулся на негнущихся ногах, но в развалочку. Так, видимо, ему думалось, исполняются особо опасные задания. И, пожалуй, если бы вышибала Костик не заметил этого странного приближения, все могло бы обойтись более или менее безобидно. Однако Костик невовремя повернул голову, а подходящий храбрец глядел в пол, а потому не увидел устремленных на него глаз.

– Чего тебе, фраерок? – после победы Костик был настроен благостно.

– Тут это... Нитка тут, – Морис, как плохо смазанный механизм, наклонился и неловким движением оправил Костикову брючину. И тут же заторопился обратно.

– Сбрендил?! – амбал взбрыкнул мясистой ногой, недоуменно покосился на брючину. До поры до времени ошеломление пересиливало в нем злость.

– Молодец! – Геннадий хлопнул Мориса по плечу. – С проверкой, можно считать, покончено. А теперь займемся билетами...

За его поведением следили с напряженным вниманием, и дружеское похлопывание истолковали не в пользу гостей.

– Але, вы двое! – вышибала поманил гостей толстым коротышкой-пальцем. – Аллюром сюда!

– Все в порядке, мсье, – Геннадий широко улыбнулся. – Никаких обид. Никто никого не ударил, не оскорбил. Может, в бильярд одну блиц-партию?

– Сейчас тебе будет блиц-партия. Я сказал: аллюром! – слово «аллюр» Костику отчего-то особенно нравилось. Может он где-то его недавно вычитал и запомнил. Так или иначе, но отпускать эту напроказившую парочку он не собирался. Бильярдисты обратились в зрителей, забыв на время о своих шарах, и теперь Костик просто вынужден был играть на публику. Роль вышибалы обязывала.

– Вот видишь, еще один копрофаг, – Геннадий движением руки остановил двинувшегося было Мориса и сам зашагал к атлету. – Что за проблемы, Костик? Почему вдруг аллюром? А если у меня грыжа с геморроем? Если аллюром у меня просто не получится.

– Наклонись, остряк! – палец-сосиска вновь энергично задергался. – Очень уж ты высокий.

– Нет, Костя, это тебе придется встать, – Геннадий все также широко улыбался.

– Что ж, ты напросился, циркуль, – Костя тяжело, по-медвежьи поднялся. Выпрямившись, он оказался почти такого же роста, как черноволосый пассажир, только смотрелся куда более плечистым и мощным.

От страха Морис зажмурился и потому не увидел, как Геннадий рубанул Константина в челюсть. Глаза он открыл только когда услышал грохот. Вышибала падал, опрокидывая стул и столик, за которым только что мерился силами со своим партнером.

– Тресь, и в дамки! – жестко прокомментировал Геннадий. Взглядом пригвоздив дернувшегося было со стула зеленолицего, промурлыкал: – Анаша, анаша, до чего ж ты хороша... Дыми дальше, сокол, разрешаю.

Бильярдисты с киями, набычившись, смотрели на него. Глаза игроков не сулили ничего доброго. Он ответил им взглядом честного стахановца.

– Забыл предупредить, орелики, у меня пушечный удар и масса возможностей. И то, и другое одинаково страшно. Так что играйте в свои шашки и ни о чем не беспокойтесь, – повернувшись к обалдевшему Морису, Геннадий деловито пояснил: – Тяжелых людей опасно бить. Закон инертности. Запросто можно сломать позвоночник. Поэтому старался, как мог, и вот удача! – юный забияка жив и даже пытается подняться, что, кстати, врачами категорически не рекомендуется. С сотрясением мозга надо отлеживаться... Слышал, милек? Постельный режим и ежедневная клизма! Глядишь, через недельку оживешь. Будешь рассказывать потом, как махался с Кассиусом Клеем.

Было во всех его словах нечто пафосно-театральное, но в данном случае сказанное не расходилось с делом, и никто из бильярдистов на открытое противостояние не решился. Геннадий же, по всей видимости, ждал атаки, и они понимали, что он ждет, и это в еще большей степени сбивало их с толку.

– Ну что ж, нет так нет, – Геннадий подмигнул Морису. – Будем считать, что сеанс спиритизма прошел успешно. Айда на выход, сеньор?..

На улице оба на минуту задержались. Геннадий опять задрал голову. Морис машинально собезьянничал.

– Ну, и небо тут у вас! Прелесть!

– Небо – да...

Казалось, звезд стало еще больше. Они усыпали небо от края и до края – чья-то щедрая безрассудная глупость, чей-то широкий жест. Морису захотелось вдохнуть их в себя, вобрать смутную приятную грусть о далеком и прекрасном, никогда не соприкасавшимся с его вертлявой судьбой. Рядом восторженно прищелкнул языком Геннадий.

– Люблю вот так смотреть! Сам не знаю почему. Вроде как человеком становлюсь, вспоминаю что-то, о чем нельзя забывать.

– Да... – туманно протянул бомж. Он не знал, что говорят в подобных случаях. Может быть, и случаев подобных в его жизни еще не бывало. Становилось зябко, мороз давал о себе знать. Немели губы, пальцы в варежках потянулись к ладоням, сами собой сжались в кулаки.

– Как думаешь, вдогонку не кинутся?

– Навряд ли, – Морис поежился. – Мне так мыслится, они тебя за мента приняли или за мафика крутого.

– Мафика? – Геннадий усмехнулся. – Забавное словцо...

– Ну да, какого-нибудь воротилу из пришлых. Таких трогать себе дороже.

– Тоже верно, – Геннадий опустил голову. – Ага!.. А это еще что за шхуна на горизонте! Взгляни-ка! Никак твой собрат?

По укатанному изморозью скверу, крадучись, двигался старик с палкой.

– Цыпа-цыпа! – он медленно приближался к стайке греющихся на люке водостока голубей.

– Это Никита. Охотник.

– Охотник? На кого же он охотится? На голубей что-ли?

– На них. Есть-то что-то надо. На детской площадке, под крепостью деревянной, у него хата замаскированная. Печная труба выходит через мачту с флагштоком. Вот он их там и жарит по ночам.

– Занятно, – Геннадий набрал полную грудь воздуха, по-генеральски гаркнул: – Эй, Никита, здорово!

Голуби испуганно взмыли над сквериком, описав полукруг, понеслись к куполу аэровокзала.

– Что ж ты орешь, мил человек! – Никита трусовато всматривался в незнакомца. – Морис-дуралей, ты его, что ли, подначил?

– Не сердись, отец, – Геннадий уже шагал к охотнику.

– Как же не сердиться. Голубь – он ить зверь ловкий. Попробуй-ка пымай его голыми руками.

– Ты и ночами, значит, охотишься?

– А когда же еще? Днем-то мильтоны враз скрутят за такие дела.

Геннадий сунул руку в карман, вынул уже знакомый Морису портмоне.

– Возьми, отец. Сегодняшняя охота отменяется. Поешь чего-нибудь неголубинового.

Никита взял деньги, с сомнением покосился на Мориса.

– Ладно коли так. Пойду.

– И нам пора, – Геннадий взглянул на часы. – Времечко – что твой таракан. Бежит, не угонишься. Так что? Летишь со мной? – он смотрел на Мориса. – Я ведь не шутил. Надежный человек мне действительно нужен.

Морис пожал сухонькими плечами.

– Теперь от моего желания мало что зависит. Так и так порую отсюда. Ты для этого вышибалы, гражданин залетный, можно сказать, гастролер, а вот меня они трянут, будь здоров. Так что, чем дальше отсюда, тем лучше.

– Соображаешь! – «гражданин залетный» со смехом сорвал с бомжа шапку-ушанку, широким жестом отбросил в сторону.

– Ты чего? – Морис варежкой прикрыл макушку.

– Смена декораций, не ерепенься, – Геннадий снял с себя вязаную лыжную шапочку, напялил на голову новоявленного приятеля. – Гляди-ка, налезла! – он отошел, любясь. – Мда... Тяжела ты, шапка Мономаха! Или в самый раз?

– Тесновато чуток, но в общем...

– В общем, будем считать, терпимо!

– А как ты сам?

– А никак. Потому как сам-сусам. Меня ни морозом, ни штыком, ни пулей, – Геннадий довольно притопнул унтами. – Зеркала, жаль, нет. Впрочем, на вокзале успеешь полюбоваться. Конечно, не Аполлон, но где-то около того... Ну-с? Ускоримся, маркиз?

– Ускоримся, – покорно повторил Морис. К странностям речи Геннадия он, кажется, начинал привыкать.

Глава 3

На высоте десяти тысяч метров Морис наконец собрался с духом и стянул с головы подаренную шапочку. На лбу и ушах протянулся багровый отдавленный след.

– Ничего, – утешил Геннадий, – на месте что-нибудь спроворим.

– Да я в общем ничего. Разносится...

– Возможно, – внимательно глядя на соседа, Геннадий без всякой иронии принялся рассказывать: – Видишь ли, Морис, какая штука, еще в материнской утробе у человека полным ходом идет процесс образования нейронов. Четыреста штук в секунду или двадцать четыре тысячи в минуту. Представь себе, сколько их должно родиться за девять месяцев! – он покосился в иллюминатор. – Самое забавное, что впервые я поверил во все эти цифры, только увидев тебя. Большая голова, Морис, это красиво! Так что гордись и не смущайся, ферштейн?

Осторожно потрогав свою красивую голову, Морис промолчал.

– Я, братец ты мой, болтаю много, но ты не злился. Проглоти как-нибудь. Слишком долго пришлось играть в молчанку. Так долго, что всерьез думал, язык отсохнет. А каково это жить с отсохшим языком, сам прикинь? И кушать неудобно, все ж не акула какая-нибудь... – Краем уха Геннадий уловил обрывок разговора соседей, стремительно перегнувшись к ним.

– Эй, землячки! Неужто из самой Уфы? Как там земляца башкирская?

– Да никак, – соседи откликнулись без энтузиазма. – Как жили, так и живут. Башкиры русских грызут, русские – башкиринов.

– Башкиринов? – Геннадий заулыбался.

– Башкиринов, башкир, какая разница?

– А, может башкиров?

– Ну, башкиров, положим. Чего привязался-то?

– Сразу видать, – интернационалисты, – Геннадий довольно откинулся в кресле. – А я вот дипломат и по роду своей деятельности обязан быть патриотом. Только интернационален ли истинный патриотизм? Как полагаешь, Морис?.. Не знаешь? Вот и я не знаю. Выходит, хреновый я дипломат, раз не знаю такой простой

вещи. Надо было оставаться в своих танковых войсках и не дергаться. Гонял бы сейчас на полковом Т-80, материл бы по рации взводных. – Он пристукнул ладонью по подлокотнику. – Хотя, сказать по правде, и танкист из меня был неважный. Тесно для моих габаритов. Плюс мазут, траки, пылюга... Так и не сумел полюбить железную конягу. Уважать – уважал, но не любил.

– Так ты, значит, из Уфы?

– Что? – брови Геннадия недоуменно изогнулись. – Ах, вон ты про что. Да нет, какая там Уфа. Это я так, для прикиду. Зудит в одном месте, вот и суюсь с вопросами. Я, милый мой, ужас как люблю испытывать людей на вшивость. Видно, судьба такая. Ты это учти, со мной не слишком легко.

Морису стало вдруг не по себе от темных пронзительных глаз соседа. Обычно люди скользят взглядом, обмахивают словно легким веничком, – этот человек бил насквозь, вглядывался с нескрываемым любопытством, цеплял из глубины все мало-мальски цельное, заслуживающее интереса.

– Мне, Морис, было пять лет, когда я пережил собственную будущую смерть. Из начала жизни увидел конец, словно оказался в ярко освещенном тоннеле. Играл во что-то и вдруг ясно представил: вот настанет день и все исчезнет. Понимаешь, все! Запахи, цвета, голоса людей... И родителей моих не станет, и бабушек с тетками, никого и ничего. Один лишь черный промозглый холод. И было это страшно, Морис! Уверен, страшнее действительности. Потому что в пять лет даже о чужой смерти думать неестественно! А я не думал. Я просто увидел эту свою смерть, понял, что она придет и скрутит по рукам и ногам. Я проплакал, Морис, всю ночь, подушку переворачивал, потому что намокала, а утром... Утром встал повзрослевший. Матери наврал, что пролил на подушку стакан с водой. Она поверила... – Геннадий на некоторое время умолк. – Наверное, что-нибудь это да значило, а, Морис? Как ты считаешь? Иначе на кой ляд малолетке такие знания?

– Может тебе это... Что-нибудь приснилось? Бывают же кошмары. Говорят, некоторые с ума даже сходят.

– Не было кошмаров, Морис! Не было. Хотя... Если вдуматься, то и кошмары, должно быть, истекают из того же источника. Зачем-то ведь они снятся? А собственная смерть, пожалуй, даже не кошмар, – Геннадий рассмеялся. – Нет,

дорогой мой бич, это загадка. Величайшая загадка жизни. Еще одно испытание на прочность. Только тогда я этого, к сожалению, не понимал. Потому и плакал.

Стюардесса прокатила по проходу столик с напитками. Морис потянулся было за чашечкой, но Геннадий остановил его движением руки.

– Красный свет, дружище! Можешь держаться, держись.

– Так оно ж это... Входит в цену!

– Потому и держись. Самое некрасивое – клевать на халяву. Не забывай: жизнь – цепь испытаний.

– Я ведь уже прошел проверку.

– Правильно. И потому отныне на службе. Одна из твоих обязанностей последовательно преодолевать жизненные перипетии – ступень за ступенью. Жизнь, Морис, – Потемкинская лестница. Твой личный Эверест.

– Я не мазохист, – буркнул Морис.

Геннадий растопырил пятерню.

– Ставлю пять за знание таких слов, но от питья все-таки воздержись. На дворе ночь. Мы сыты. Мы даже немножечко пьяны. Сиди и гордись, что не воспользовался халявой. Это и будет твоей второй победой. Первая была в той забегаловке.

– Победа, как же... А если мне, к примеру, в туалет приспичит? Если я побольшему захочу? Что, тоже терпеть?

– Но ты же пока не хочешь?

– Хочу!

– Тогда иди. Зачем же в крайности впадать? – в голосе Геннадия прозвучала откровенная насмешка, и Морис назло попутчику поплелся в туалет.

Когда он возвратился, новоиспеченное начальство назидательно изрекло:

– Смерть, Морис, могучий бегун. Она дает фору стартующим, но всегда и всех настигает. Одних раньше, других позже. Смысл бытия – бежать как можно быстрее. Ты не сравнишься с ней в скорости, но удлинишь пройденный путь. Барьеры, полосы, препятствия – это и есть стержень жизни. Время – часовой механизм, звонок будильника, кусок динамита под сердцем. Рано или поздно все твои будильники зазвонят, и об этом очень полезно помнить.

От обилия перлов Мориса замутило.

– А на кой мне ляд все эти барьеры и будильники? Может, я не желаю ничего знать! Так и так – все там будем.

– Все, Морис. Разумеется, все, – Геннадий утопил клавишу в подлокотнике, опустил спинку кресла. – Ладно, оставим печальные темы... Расскажи лучше о себе.

– Чего рассказывать?

– Все, что сочтешь нужным.

– Ага... Значит, автобиографию?

– Давай назовем так.

Морис потер лоб и нахмурился. Сбиваясь на каждой фразе, приступил к скучноватому на его взгляд повествованию. Да и что там было рассказывать? Школа, как у всех, потом ПТУ, первые групповые пьянки в колхозах, работа станочником, короткое бригадирство. Увольнение. Еще одно увольнение. Стройшараш-монтаж, заявление по собственному, халтуры, снова шараш-ералаш и снова халтуры...

Где-то на подступах к истории с квартирой он заметил, что «командир» спит. Морис обиделся. Какого же черта он молотит языком! Не сам же он это начал!.. Ковырнув в ухе, Морис подумал о том, что вот бы подойти к бортпроводнице и напомнить о тех чашечках с лимонадом. Он-то ведь не пил, а положено. И отомстил бы таким образом уснувшему слушателю. Бывший бомж усиленно завертел головой, отыскивая стюардессу с напитками. Но той уже и след простыл. Делать было нечего, с сухостью в горле пришлось примириться. Лучше бы, конечно, тоже заснуть, но сон отчего-то не шел.

Где-то позади полушепотом начали обсуждать возможность авиакатастрофы. Морис со вниманием прислушался. Беседующих волновал тот подозрительный факт, что пассажирам не выдают парашютов.

– ..Дюралевые заклепки, я знаю. Семь лет, и полная непригодность... Оттого-то крылья и болтаются.

Морис выглянул в иллюминатор. Левое крыло и впрямь слегка раскачивалось.

Дела!.. Он мысленно присвистнул. Холодок ящеркой пробежался по спине. Тем не менее он продолжал вслушиваться. Вопреки здравому смыслу жутковатое притягивало. Так дети запираются в чуланы, страдая друг дружку пугающими побасенками. В одном черном-черном доме, на черном-черном столе стоял черный-черный гроб...

– Самое сложное – посадка, – продолжали бубнить сзади. – Если не та скорость или не тот ветер, стойка с шасси сразу переломится. Там же всего сантиметров десять-пятнадцать в диаметре. А тут – десятки тонн!

– Я слышал, в такой момент нужно в калачик свернуться, как эмбрион. Тогда больше шансов уцелеть.

– И на колени что-нибудь мягкое класть. Свитер, к примеру. Специально не сдавать в багаж.

– А я и забыл!

Кто-то из знатоков тут же обрадовал известием, что забыли не только о свитерах, но и о продувке, а это при наборе высоты тоже одно из необходимейших условий.

– Очень просто! Как у аквалангистов. Зажимаешь ноздри пальцами и дуешь.

– Куда дуешь-то? Через рот, что ли?

– Сам ты через рот!..

Морис обхватил пальцами крылья носа, дунул что есть силы. Треснуло где-то в ушах и затылке. Перед глазами поплыли радужные круги. Он испуганно распахнул рот, часто задышал. Хороший совет, нечего сказать!

Братья башкиры, сидящие впереди, балагурили о более понятных материях.

– И вот эта дура мне, значит, говорит. Дай, говорит, плойку, Вадя. Плойка это у них такая хреновина для завивки волос. Ну я, наивный, и дал ей – рукояткою вперед, как все нормальные механики...

– Га-га-га!..

– Чего ржете! Кто же знал, что эта штука такая горячая?

– А паяльник ты бы ей тоже ручкой вперед протянул?

– Скажешь тоже. Я же не осел... И потом – зачем ей паяльник?

– Ну, мало ли. Плойку, к примеру, починить.

– Она починит, как же! Она ножик перочинный заточить не сумеет! Стул раз сломался, так, слышь, гвоздь там один-единственный вбить надо было. А эта дура взяла шуруп и давай его щипцами вкручивать. Дескать, я не могу, так приходится ей. Вот и навертела.

– Га-га-га!..

Морис снова уткнулся в иллюминатор. Самолет как раз заходил на крутой вираж, салон перекосило, и далеко внизу проблеснули множественные огни незнакомого города. На пару мгновений возникло ощущение невесомости, живот неприятно подтянуло. Морис поджался. Вот так оно и получается. Дюралевые заклепки, обломившиеся крылья... А город подумал, ученья идут, и так далее...

Стараясь выглядеть невозмутимым, он достал вязаную шапочку, еще раз примерил. Шерсть хоть куда и рисунок приличный, но если бы на пару размеров побольше! Всего-то на парочку! Аккуратно сложив головной убор, он спрятал его в карман. По приезду надо будет замочить в горячей воде и натянуть на кастрюлю. Посудину выбрать литров на шесть. А то и на восемь – для надежности.

С благостной мыслью о кастрюлях и перспективах усовершенствования полезного подарка Морис и уснул. Уснул неожиданно быстро, даже не успев осознать, что засыпает.

Во сне ему привиделся ревущий ипподром, зубчатые, похожие на кремлевские стены барьеры, через которые приходилось сигать, напрягая мышцы рук и ног. Морис был резвым скакуном и мчался, не жалея сил. Наездника, лупцующего бока плетью, он отчего-то никак не мог разглядеть, но имя жокея оглушительно скандировали трибуны:

– Ге-на! Ге-на!..

Исследование родины Геннадия было решено начать с посещения ресторана в аэропорту. Такой старт в особенности обрадовал Мориса. Преисполненный предприимчивой энергии, он отчеркнул грязным ногтем в меню не менее полдюжины блюд. «Командир» на это ничего ему не возразил, однако сам ограничился скромным салатом и стаканом сока.

«ВЫ ПРИБЫЛИ В ЗАРАЙСК» – уведомляла неоновая надпись за окнами. Геннадий помахал мерцающей фразе вилкой.

– Се мон виль наталь, – торжественно пояснил он. – Родина, брат! Мать и мачеха в едином лице...

Морис уважительно покачал лобастой головой, но от главного не отвлекся. Тарелку за тарелкой он подчищал все, что принесла темноглазая девица в кружевном передничке.

– Сколько с нас, инфузория-туфелька? – улыбочиво осведомился Геннадий, когда компаньон наконец-то управился со снедью. «Инфузория-туфелька» тут же извлекла на свет божий красивый блокнотик, чтобы удивить суммой, от которой настроение Мориса несколько упало. Но Геннадий лишь добродушно посмеялся.

– Родина дорогого стоит! – провозгласил он.

На улице, яркой и по кромки крыш залитой солнечным светом, «командир» немедленно распахнул руки и выкрикнул:

– Вот она! Страна Мэпл-Уайта! Сюда я рвался и здесь стал тем, кем не стану более нигде... Лямки подтяни, чайник! Не рюкзак, а жопа какая-то!

Последняя фраза была обращена к проходившим мимо туристам. Тот, кого Геннадий окрестил «чайником», оглянулся с яростным изумлением. Туристы были вооружены топориками и альпенштоками, насчитывалось их не менее взвода. Морис опасливо ткнул Геннадия в бок.

– А ну, как сбросят вещички и повернут к нам?

– Ничего страшного. Ты отправишься к ним навстречу. Навроде парламентаря. И подробненько растолкуешь про мой пушечный удар. Им ведь еще на Джомолунгму переться, так что рисковать не станут.

– Где ты, кстати, выучился таким ударчикам?

– Были учителя, Морис. В превеликом избытке. Плюс конспективный анализ книги «Джиткундо». Метод без всякого метода.

– Такие всякие штуки я уважаю!

Они зашагали к автобусной остановке. По дороге «командир» щедро одаривал нищих червонцами, и, глядя на них, норовящих уцепить Геннадия за руку, благодарно облобызать, Морис чувствовал подобие безгливой жалости. Сам он уже причислял себя к иной когорте. Он превратился в дворняжку, обретшую хозяина, щеголяющую в новехоньком ошейнике.

Мимо брели рыбачки. Загорелые и запущенные, в безразмерных стоптанных валенках. Разумеется, Геннадий помахал рукой и им.

– Как улов, марейманы? Не перевелась еще севрюга в наших водах?

– А вот сходи и погляди.

– И схожу! – пригрозил Геннадий. – Только вам уж делать там будет нечего.

Тягая за собой санки с ящиками, рыбаки снисходительно хмыкали. Отсидевшие ночь на льду, усталые, недоспавшие, они напоминали впряженных в постромки бурлаков. Собачешка размерами с котенка лежала в бесхозной коробке из-под апельсинов и оттуда с визгливой лентой облаивала прохожих.

– Интересно, мог бы ты такую выдрессировать?

Морис взглянул на собачонку, затем на Геннадия. Ночью в самолете, рассказывая о своей жизни, он успел поведать об одной из своих многочисленных профессий – инструктор-кинолог. За десятку, вырядившись в ватное рубище, бомж травил несмышленных собак, вырабатывая у них агрессивные навыки. Иной раз в день выходило по паре сотен. Тем паче, что перед коллегами он имел явное преимущество. От него всегда пахло спиртным, и оттого псов не нужно было дразнить и раззадоривать. Они бесились, едва завидя ряженую жертву. Так или иначе, но с собачьей природой Морис освоился и мог бы многое что порассказать о четвероногих друзьях, в особенности об их дружеских зубках. Кивая на визгливую собачонку, Геннадий, вероятно, это и имел в виду.

– Я думал, ты спал.

– Ты прав, спал. Но что мешает спать и слушать?

– Так ты все слышал? – Морис не мог скрыть изумления.

– Разумеется! И слышал, и помню. Про змей-башку, которую ты ловил в Казахстане, про щук, которые дохли, обожравшись хамсой, про калужонка, якобы вытянутого тобой лично семь лет назад.

– И вовсе не якобы!

– Якобы, якобы, Морис! Уж мне-то отлично известно, как непросто поймать этого гиганта.

– Не веришь, не надо, – рядом с широким шагом начальства Морису приходилось семенить. – А про арбуз? Что я говорил про арбуз?

– То же, что и про щук, – Геннадия невозможно было смутить. – Ты ездил в Москву, хотел сходить в театр на Таганке. Билетов не достал и со злости слопал в каких-то развалинах огромный арбуз.

– Точно! – Морис радовался, как ребенок. К его биографии проявили интерес. Более того – ее обсуждали вслух! – После того арбуза я чуть не помер. Бегал мочиться за каждый дом.

Геннадий согласно кивнул.

– Это не калужонок в полцентнера, этому верю. Только грустная она твоя биография, Морис. Все вокруг еды да обжорства.

– А рыбалка, а собаки?

– Верно, было. И завод был, и станочное производство. Я не перечеркиваю все оптом. Но не забывай: впереди Потемкинская лестница! Если шлепать по прямой, а не по ступеням, быстро скатываешься в жлобское сословие...

Геннадий остановился так внезапно, что Морис по инерции убежал далеко вперед. Оглянувшись, не сразу понял, в чем дело. В конце концов сообразил, и знакомое недоброе чувство холодком наполнило грудь. Геннадий смотрел

на наперсточников. Он не улыбался, взор его был более чем откровенен, на щеках под сухо натянутой кожей ходили злые желваки.

Морис действовал по наитию. Подбежав к Геннадию, решительно ухватил за руку.

– Пошли, командир. Ну их к дьяволу! Это сейчас везде. И крыша у них, наверняка, солидная.

Геннадий неохотно подчинился.

– У нас там этого не было.

– Где там? За рубежом, что ли?

Геннадий промолчал, и Морис заторопился, не давая ему времени на принятие роковых решений.

– Удар, конечно, ударом, только ведь это тебе не туристы. Они ж волки! Этим и живут. Ты бы вот сейчас подошел к тому клоуну, что народ дурит, а справа и слева еще бы пара субчиков образовалась. И бить они умеют не хуже тебя, не сомневайся.

– Ну уж...

– Точно говорю! А хуже того – мильтон бы подгрел и в пару секунд оформил задержание.

– Чье задержание?

– Да наше, конечно! Они за то и мзду берут. Обязаны опекать от правдоискателей.

На всякий случай Морис оглянулся. Они стояли уже на автобусной остановке, но машин пока не было видно. Когда было нужно, Морис умел ориентироваться быстро. Изучив таблицу расписаний, выдал Геннадию исчерпывающую информацию:

– Три номера поселковых, два идут в город. Если до центра, то на шестом, второй, кажется, едет дальше.

– Едем в гостиницу! – распорядился Геннадий.

– Как скажешь, командир.

– Мы ведь договорились? Живем без «командиров». Ну-ка, повтори мое имя!

По складам, как первоклашка, Морис произнес имя Геннадия, и немедленно вспомнился нелепый сон – барьеры и улюлюкающие трибуны. «Не к добру,» – решил Морис и поежился.

– А почему в гостиницу? Ты же говорил, что родился и вырос здесь?

– Ты думал, мы отправимся к моим родным? – в голосе Геннадия впервые прозвучала горечь.

– Мои родные, Морис, не здесь.

– А где?

– Далеко. Очень далеко. На автобусе не доедешь. В них, понимаешь, возобладал птичий инстинкт, и они полетели на юг, к теплу и супермаркетам. Тащили с собой и меня, но не вышло. Мальчик всегда мечтал быть патриотом...

Чихая и фыркая, к остановке подкатил старенький автобус, беседу о родне пришлось прервать.

Глава 4

Окна в автобусе, искрящиеся и загадочные, напоминали о новогодних сказках. Кое-где красовались отпечатки детских ладошек. Морис, получив первое

зарайское поручение, послушно сходил к компостеру и продырявил абонементы.

– Совсем цивилизно, – он щербато улыбался. – Уже отвык.

– Завтра будет еще цивилизнее. Отправлю тебя к стоматологу. Мне нужен курьер-красавец, курьер-элегантэ!

Улыбка Мориса погасла.

– Я к стоматологу не хочу! Так мы не договаривались!

– Не бойсь! Потребуем лучшую анестезию, усыпим, свяжем, обезболим. Зато станешь самым видным парнем на деревне. Все модные девчонки будут на тебя оглядываться.

– Ага, как же! Будут они!..

– Будут, Морис. Куда они денутся. – Геннадий нагнулся к изукрашенному изморозью окну, монеткой протер лунку.

– Стоп, машина! – пугая пассажиров, он ринулся к кабине шофера. – Останови, родной! Нам прямо здесь...

Спустя минуту они стояли посреди дороги и пялились на окружающий их лес. Шоссе сбегало вниз, и там километров в двух-трех начинались кварталы Зарайска. Только сейчас до Мориса дошло, чего, собственно, Геннадий добивался. Автобус высадил их на вершине холма. Город лежал перед ними, как на ладони. Несколько заводских труб, чадающий газовый факел, легкая дымка над центральными районами.

– Вот мы и дома! – значительно произнес Геннадий. – Ты знаешь, в детстве, слыша, заводские гудки, я не сомневался, что это гудят пароходы. Выходя на балкон, я смотрел на облака и представлял себе морские просторы. Это ведь почти одно и то же, правда? И пароходы, и облака имеют возможность бороздить пространство. Они видят то, чего не видим мы, – тропические закаты, лохматые пальмы, крокодилов, греющих брюхо на берегу. Только лет в семь-восемь мне объяснили, что ни моря, ни крупных рек в Зарайске не наблюдается,

а значит, нет ни причалов, ни пароходов... – Геннадий потрянул головой. – Тем не менее, операция «Валиор» продолжается! В сущности мы на подступах к цитадели!

– Однако топать до этой цитадели прилично, – пробормотал Морис.

– А мы напрямки двинем – лесом! – Геннадий махнул куда-то вправо. – Подышим озоном, фитонцидами, пообщаемся с природой.

– Так это ж по сугробам чапать!

– А ты как думал! Испытания продолжаются! – Геннадий храбро шагнул с дороги и тут же провалился по колено. – Пойми, Морис, миновав эту полосу препятствий, мы станем полноправными целинниками. Ты не хочешь именоваться целинником?

– Я не хочу воспаления легких, – Морис все еще топтался на дороге.

– Беда какая! Заболеешь, вылечим! Ну же! Смелее. Взгляни на этот очаровательный лес и ты поймешь, что дикие звери не столь уж глупы.

– Еще бы! У них шкура, подшерсток.

– А у тебя разум! Или разум ничего не стоит?

Аргумент представлялся скользким, но бывший бомж все же послушно шагнул в снег.

– Кстати, Морис! Что такое елка, ты знаешь?

Ответа не последовало. Видимо, Морис не знал, что такое елка. Простые вопросы всегда озадачивают.

Геннадий, успевший пропахать в сугробах основательную борозду, обернулся.

– Елка, Морис, это пушистый зверек с зеленым мехом. Только вообрази, эту элементарную истину я узнал совсем недавно от четырехлетнего карапуза. А до этого не знал, представляешь!

В грудь осторожничающего Мориса с треском вонзился снежок. Потеряв равновесие, бывший кинолог и бывший станочник опрокинулся в рыхлую целину. Целинник из него получался неважный.

Подлесок преодолели с трудом. Несмотря на то, что температура здесь значительно отличалась от благовещенской, Морис основательно продрог. Причина таилась в ветхости его одежки, и Геннадий сходу пообещал купить новоиспеченному ординарцу роскошную заячью шубу. К шубе добавил валенки и фирменные штаны с подстегом.

– Мне бы кальсоны. Шерстяные, – возмечтал Морис. Он вдруг уверовал, что любое самое фантастическое желание будет исполнено. Геннадий Килин не разочаровал компаньона.

– Будут тебе и ванна, и кофе с кальсонами! – Геннадий указал куда-то вдаль, где угадывалось что-то весьма напоминающее зону. – Видишь? Это мой танковый полк. Учебка.

Свою собственную армию Морис успел благополучно забыть и к пояснению гида отнесся равнодушно. Учебка есть учебка. Она из тех зол, что неизбежны в человеческой жизни. Лучшее, что надлежит сделать, это миновать ее побыстрее – и еще быстрее забыть. Как подножку недруга, как несмываемую бомбу, пущенную с высоты коварным вестником мира. В конце концов, как очередное препятствие... Морис потихоньку начинал рассуждать категориями «начальства».

Облепленные снегом с ног до головы, на подходе к городу они сунулись в спортивный комплекс. Геннадий ограничился тем, что попросту отряхнулся. Он был без шапки, но это его нимало не смущало. Морис же с охами и ахами

немедленно подсел к батарее парового отопления. Свои разноцветные варежки – женскую, малиново-узорчатую, и безликую серую, он выложил поверх ребристого радиатора, после чего принялся расшнуровывать ботинки. Носки шерстяные, продранные на пятках, и носки хлопчатобумажные, похоже, вообще не имеющие подошвы, он бережно присовокупил к варежкам. Сторож комплекса, животастый старикан со вставными, завидной белизны зубами, что-то заворчал, но Геннадий умиротворил его, рассказав, что когда-то – лет пятнадцать назад занимался на здешнем манеже и даже слыл за подающего надежды. Фамилию он, правда, назвал чужую, но к удивлению Мориса, доверие старика моментально окрепло. Подобрев, сторож сложил на животе веснушчатые руки и умиленно склонил голову набок. Он напоминал сейчас ласковую старушонку, следящую за копошением любимых внуков. Вдоволь налюбовавшись на гостей, он уковылял в громыхающие дебри спорткомплекса, может быть, затем, чтобы порадовать тренерский коллектив приходом ученика-любимчика.

– Ты же говорил, тебя Килин зовут?

– Верно, не отказываюсь. Только, видишь ли, местную знаменитость кличут немного иначе.

С запозданием Морис обратил внимание на стенд с фотографиями. Вверху золотилась фраза: «Они – наша гордость!» Тут же наличествовали закорючки дат и спортивные звания. Было ясно, что фамилию здешнего чемпиона Геннадий позаимствовал со стенда.

– Ну как? Обогрелся?

– Какое там! – Морис тем не менее понял, что от него требуется, и в обратной последовательности стал обряжаться в пестрое свое хозяйство. Пока он облачался, Геннадий приблизился к дверям ближайшего зала и залюбовался сценой обучения таинству мастерства. Тренажер, на котором тужилась пигалица лет восьми-девяти, скрипуче вытягивал одну и ту же ноту, всякий раз заканчивая ее кузнечным грохотом.

– Там что-то застревает, – жаловалась пигалица.

Тренер, абсолютно лысый, в ширину и высоту примерно одинаковый, ненормально быстро размахивал руками и тоненько кричал:

– Ничего не застревает! Это специально! Там эксцентрик такой! Эксцентрик, понимаешь, балда!..

Непонятливая балда часто кивала, и тренажер опять принимался скрипеть и грохотать. Вздернутый носик девчушки подрагивал, вторя мышечным усилиям. Тренеру она не верила. Проклятый эксцентрик все равно где-то застревал.

– Готов? – Геннадий обернулся.

– Битте-дритте! – компаньон стоял у радиатора в позе мальчика, играющего в часового. С варезек на пол капала оттаявшая грязь, на том и на другом ботинке шнурки были завязаны крупными девичьими бантами.

– Вижу, что готов, – «командир» довольно улыбнулся.

– Милая, почем нынче – арендовать средних размеров зал?

С таким вопросом Геннадий обратился к коридорной. Просто так, как бы между делом опустил на ее столик червончик.

– Для поминок или для свадьбы?

– Ну, скажем, для юбилея. Юбиляр богат, знатен и никак не желает осрамиться.

– Можно арендовать зал в ресторане, а можно в столовой. Цены, конечно, отличаются. В столовой дешевле раза в три, – кудрявая, как негритенок, брюнетка вытянула губы приветливой дугой, но ничего кроме дуги не вышло. То ли она устала улыбаться всем и каждому, то ли вовсе не умела этого делать.

– Естественно, мы предпочитаем ресторан. И желательно высшей категории! Но любопытно бы знать сумму. Дабы не крякнуть в ответственный момент.

– Ну, тогда я не знаю, – служащая задумалась. – Наверное, много. Это вы там спросите. У них.

– Там и у них? Обязательно воспользуюсь советом!

Отходя от столика, Геннадий покрутил перед лицом Мориса пальцем.

– Запомни, кинолог! ТАМ и У НИХ знают все и про все. Но попадать ТУДА отчего-то никто не торопится.

– И опять-таки дорого, – вставил Морис.

– Что дорого? Где?

– А везде, – Морис зябко повел плечами. Он все еще не согрелся. – И у них, и у нас. В общем везде.

Геннадий после секундного размышления одобрительно похлопал его по спине.

– Еще немного, и ты станешь настоящим дипломатом. В сущности говоря, наука несложная: словообильный туман и обаятельный хохоток, не икать и не чесаться. Даже когда вспоминают и чешется.

– И все?

– Нет, разумеется. Еще надо уметь правильно класть ногу на ногу. Но этому я тебя научу в два счета.

– Чего же все туда не бегут? В дипломаты? Раз так просто.

– Почему же, бегут. Да только не добегают. У нас, Морис, не бежать надо, а выдираться и вырываться. Как поется, из сил, из всех сухожилий. У кого хватает силенок, тот и начинает жужжать.

– Жужжать? Почему жужжать?

– Потому что жужжать, Морис. Вырвавшиеся из паутины всегда жужжат, – Геннадий покосился на приятеля и коротко пояснил. – Радуются.

С каким наслаждением Морис вытянулся бы на белоснежных простынях. Косточки ныли и взывали, но тиран-деспот погнал его в баню.

– Выше ногу, шире шаг! – рокотал он. – Еще одиннадцать не прокукарекало, а ты – спать! Нет, милый, – в баню! Избавляться от окопных вшей!

– Чего я там в бане не видел? – угрюмо возражал Морис. Он тянул резину, задом прижимаясь к горячему радиатору. Паровое отопление было его любовью – не первой, но последней, – главнейшей и наиважнейшей деталью любого помещения. Точно железный болт, Морис припадал к этому могущественному магниту, блаженно замирая.

– А что ты там видел, хотел бы я знать? – Геннадий поочередно швырял компаньону старенькую одежонку. – Запомни, мон шер, в бане есть все! И риск, и веники, и Потемкинская лестница! Кстати, по пути забежим в магазин за кальсонами.

С последним трудно было спорить, и вскоре они уже шагали по улице. Роскошный Дон Кихот и бомжеватый Санчо Панса. Кое-кто из прохожих оглядывался, но шагали они размашисто, и взгляды оставались за кормой. Снег не падал и не сыпал, – он тянулся к земле мириадами крохотных парашютистов, которые делали все возможное, чтобы подолее удержаться в воздухе. И приходилось часто утирать лицо, к которому белые диверсанты липли с большой охотой.

В магазине кальсон не оказалось. Морис было приуныл, но, к его удивлению, Геннадий величественно извлек на свет божий все тот же волшебный портмоне, и фокусы начались.

Купили огромных размеров спортивную сумку, в которую уложили новехонький костюм-тройку, несколько рубашек и белье для Мориса. Сверху набросали бритвенных наборов, лосьон с одеколоном, расчески и авторучки, карманный калькулятор, блокноты и зубные щетки. Геннадий сам подобрал напарнику галстук. Себе, чуть поразмыслив, купил бабочку.

– Читай табель о рангах, – загадочно бросил он.

Обойдя один за другим все отделы, они набили сумку до отказа. Захмелевший от осознания свалившегося на него богатства, Морис покорно волок тяжеленную сумку. Он уже не помнил, что именно они купили, а от чего решили воздержаться. Голова шла кругом. В этот момент он боготворил Геннадия. Магазин неустойчиво дрожал, временами выплывал из поля зрения. Вместо вещевых отделов и продавцов Морис видел себя, важного и солидного, попыхивающего сигаретой, в костюме-тройке забредающего на родной благовещенский вокзал. Бомжи начинали шевелиться на своих насестах, шушукаясь, указывать пальцами в его сторону. Потом самый храбрый, к примеру, тот же Никита-охотник подруливал ближе и робко интересовался временем. Из жилетного кармашка выныривали серебряные часы, щелкала крышка, и Морис вполне корректно выдавал справку о времени. Потом, как бы узнав сотоварища по прошлому, без тени брезгливости хлопал его по вшивому плечу и незаметным движением всовывал в одну из прорех сотенную ассигнацию. Они расставались, а вечером в своей хате, полтора на полтора, Никита вдруг обнаруживал деньги и утирал локтем благодарную слезу. Он, конечно же, догадывался, кто послал ему этот подарок, и на утро спешил поделиться новостью с коллегами...

Неподъемная сумка била Мориса по бедру, вырывая из миражей. Геннадий тормозил приятеля и вел сказку по положенному кругу. В последнем отделе засаленное пальцецо Мориса сменила меховая куртка, а в руку ему ткнулась упакованная в чехол гитара. После чего, заглянув в портмоне, Геннадий присвистнул.

– Дорогонько же обошлись твои кальсоны! Только на баню и осталось.

Морис ничуть не обеспокоился. Он видел, как в гостинице перед походом в магазины Геннадий отслюнявил от пачки сотенных тоненькую стопочку. Эту стопочку они только что и приговорили. Хватило у него ума и разгадать нарочитую неосторожность «начальника». Пряча деньги у него на виду,

Геннадий лишний раз испытывал компаньона «на вшивость». Морис тогда не удержался – с ехидцей ухмыльнулся. Стреляного воробья на мякине не проведешь! Был он все-таки не дурак и был он в меру честен. Даже чужого подставлять – не самое приятное дело, а уж своего-то – вовсе грех!

В бане сумку отдали на хранение старичку гардеробщику, за что Геннадий презентовал последнему пузырек одеколона. Предварительно забрали кое-что из обновки Мориса. Старые лохмотья было категорически приказано «сжечь и развеять», что Морис покорно и исполнил, правда не без некоторой щемящей жалости. С лохмотьями отходил в небытие весомый ломоть его жизни. Не самый лучший и не самый сытный, но ведь жизнь не перепишешь! Что твое, то твое.

Мылись и парились истово. На последнюю мелочь Геннадий раздобыл пару приличных веников и теперь радостно измывался над изнемогающим от жары Морисом.

– Я не выдержу! – скулил тщедушный напарник. – У меня же сердце!

– У всех сердце, терпи! – бронзовотелый и мускулистый Геннадий прикладывался к его ребрам терпким березовым листом и громогласно вопрошал:

– А Потемкинская лестница? А Джомолунгма?

Морщась от хлестких ударов, Морис вбирал голову в плечи и сутулился, как старик.

– Это еще что за номера! А ну грудь колесом! И чтоб осанка! – Геннадий не давал ему дышать. – Баня есть риск, Морис, но риск благородный! Сколько здесь разного добра водится – и вошляки, и тараканы, но кто ходит в баню, всегда в курсе, всегда с нацией! – отшвырнув веник в сторону, он присел рядом. – На месте президента гонял бы сюда депутатов силком. Вот тогда бы точно за ум взялись.

В душе, в одной кабинке лил кипяток, в другой струилась ледяная вода. Ругаясь, в обеих кабинках голозадые мужики накручивали вентили, и растерянная вода шарахалась из труб в трубы, полярно меняя температуру потоков. Скоренько разобравшись в ситуации, Геннадий прогнал мужичков и в полминуты организовал теплый дождик. Из душа они вышли розовые и чистые. Морис

двинулся было к предбаннику, но его живо поймали за руку.

– Куда вы, принц? А самое главное?

С шайкой в руках Геннадий подступил к напарнику, и тот понял, что это действительно главное. На пылающее после парилки и горячего душа тело обрушился по-зимнему обжигающий водопад. Морис хотел взвизгнуть, но не смог. Грудь сперло от холода, на секунду-другую сердце остановилось.

– Худая баня без веника, но без обливаний, без проруби и снега она – вовсе не баня. В следующий раз сделаешь это самостоятельно.

Морис подумал, что до следующего раза еще следует дожить! Пока Геннадий с кряканьем выливал на себя тазик за тазиком, он украдкой поспешил в раздевалку. Его волновала судьба обновки. Лучше других он знал, какие надежды возлагают иные бичи на баню. Тот же Никита порой покидал раздевалку разодетым в пух и прах. Хозяину «одолженного» милостиво оставлялись поношенные шмотки и какой-нибудь обмылок, что в общем-то считалось даже не воровством, а честным обменом.

На одежду, по счастью, никто не позарился. Бдительно оглядев предбанник, Морис пристроился костлявым задом на лавочку. Он был богат и счастлив. Странно, но думая о Геннадии, парне с явной ненормальщиной в мозгах, болтающем всякий вздор, он ощущал томные и по сию пору незнакомые порывы преданности. И пришла вдруг громоздкая мысль, что способность любить живет в каждом. Однако хроническая не востребованность порождает неизящные формы, и оттого жертвы любят своих мучителей. Интерес, равнодушие окружающих – чего только не выкаблучивают людишки ради этих драгоценных штучек.

Морис протяжно вздохнул. Подобные рассуждения являли для него занятие не совсем привычное. Одна-единственная мысль утомила, превратив в согбенного старичка. Все мудрецы – старички. Независимо от лет. Блуждание внутри себя старит. Он продолжал думать, но это было уже иное. То есть, может быть, ему только казалось, что он думает. Вскользь, легоньким плужком некто бороздил неухоженные пашни полушарий. Одинокое солнце жгло, полный разброд царил на этих самых пашнях. Кто-то сеял, кто-то жал, многие удобряли почву, присев на корточки. Да и пахарь, подгонявший лошаденку, тоже не ведал,

куда правит. Правилось как-то само по себе. Без особой его воли.

Глава 5

Морис накаркал. Их все-таки обворовали. Но не в бане, а в гостинице. Пошарив под наброшенным на кровать покрывалом, Геннадий сорвал его вовсе. Пытливо взглянул на компаньона.

– А финансы-то тю-тю!.. Что бы это значило, а, Морис?

Последовавшее за этим молчание заставило опуститься сердце Мориса в пятки. Какое-то время он еще надеялся, что «командир» придуривается или устраивает очередную проверку, однако очень скоро ему пришлось убедиться в обратном.

– Тридцать пять лимонов. Месячная выручка трех бригад. Это не шутка, приятель.

– Клянусь! Чем угодно! – у Мориса задрожали губы. – Мы же вместе выходили! Да стал бы я такое творить, когда ты мне столько всего...

Геннадий прервал его взмахом руки.

– Дурила! Не о тебе речь, помолчи.

– Да, но ты подумал...

– Ничего я не подумал! – в голосе Геннадия зазвенел металл. Он рухнул на койку, спиной привалился к стене. Глаза его потемнели, под кожей на щеках вновь заходили злые желваки. Морис робко приблизился к своей койке, тоже присел.

– Это коридорная, – предположил он. – Личико у нее больно пакостливое. И ключики опять же в полном ее распоряжении.

Он подался вперед, рассматривая стрелки на часах Геннадия.

– Сколько мы отсутствовали? Всего-то около четырех часов. Кто сюда мог заявиться в дневное время? Только она. Небось, приняла за командировочных. Они ведь обычно к вечеру возвращаются.

Слуха его коснулся гундосый комариный писк. Он удивленно замолчал. Зимой и комары? Откуда? Морис поднял голову. Действительно комары! Видимо, микроклимат гостиницы вполне устраивал крылатых вампиров.

Геннадий тем временем продолжал сидеть неподвижно. Молчание его все более пугало Мориса. Он не сомневался, что про себя Геннадий продолжает подозревать его, бывшего бомжа с неясным прошлым. Да и вышло все куда как скверно. Место тайника он видел и даже преждевременно посмеялся над возможной ловушкой, а кто-то взял и увел денежки, подставив его самым подлейшим образом. И тоскливо подумалось, что, видно, придется возвращаться в баню, за теми сальными, утрамбованными в мусорный бак шмотками.

– Полюбуйся-ка! – Геннадий глазами указал на собственную руку. На тыльной стороне кисти расположился комар. Шпага его успела войти в кожу, он на глазах багровел и раздувался.

– Хамовитый пошел комар! – Геннадий говорил устало и безучастно. – В прежние времена иной сядет и сидит себе тихонечко – будто и не надо ему ничего. Колет аккуратно, деликатно, что твоя любимая медсестричка. Да и после посасывает осторожно, по чуть-чуть, словно коктейль через соломинку. Вот это я понимаю, воспитание! Такому не жаль сцедить капельку-другую. А этот, – полюбуйся!.. Точно помпа работает! Я еще, часом, не посинел?

– Хлопнуть гадину, и вся недолга! – Морис с ненавистью следил за комаром. Волею обстоятельств насекомое оказалось объектом приложения чувств, а чувства Морис испытывал самые нелюбезные.

– Гад-то он гад, но какое, должно быть, наслаждение испытывает. Собственный вес его – ничто в сравнении с весом выпитой крови. Вот уж верно – проглот из проглотов, – мягким движением Геннадий ущипнул комара пальцами – раздавил, но не в кашу, умудрившись, сохранить форму.

– Возьми-ка его.

– Зачем?

– Отнесешь коридорной и выразишь недоумение, – с серьезной миной Геннадий протянул останки комара Морису. – Недоумение, граничащее с возмущением. Ты меня понял?

Морис кивнул. Уцепив комара за крылышко, понес на вытянутой руке перед собой.

– Впрочем, стой! Бросай его к лешему, поступим иначе.

Очнувшись от ступора, «командир» вскочил с койки. За дальнейшими его действиями Морис следил с нарастающим недоумением. Сначала из вспоротой подкладки появились западного происхождения купюры, немного – штук пять или шесть. Затем, подойдя к стенному шкафу, Геннадий исследовал его внутреннее обустройство. Полочки, делящие шкаф на три секции, он выдернул из пазов и сунул под кровать.

– Твоя роль, – он обернулся к Морису, – сыграть пьяного. Это, надеюсь, у тебя получится. Наври ей с три короба, но только так, чтобы поверила. Дескать, денег у нас куры не клюют. О тех миллионах – ни звука. Словно мы и не заметили. Внушишь ей, что я уже вышел, а ты, мол, следом за мной, что будем гулять допоздна. Ну, и так далее. Завтра уже съезжаем. Попроси у нее бутылочку винца на опохмелку. Да хорошего, импортного, запомнил?

– Я-то запомнил, только с чего бы ей верить? У них же нюх. Как у ментовских ищеек. Тоже, небось, по краю ходят.

– Считаешь, не поверит?

– Может, и поверит, но не полная же она дура, чтобы наводить дважды на один номер!

– Полная или неполная, но обязана донести. Жадность заставит. Сняли один куш, почему бы не снять второй? Скандалов они, судя по всему, не боятся.

Крутые, мать их так! А тут валютка – свеженькая, обильная.

– Ну и что?

– А то, что соблазняются ребятки. Не знаешь ты, Морис, эту породу. Они как акулы. Только помани... На вот, держи! – Геннадий всучил компаньону двадцатидолларовую купюру. – Сунешь этой стервятнице за лифчик. Будто бы на бутылочку. И про прииски что-нибудь болтани. Мол, сделку обмываем. По уши в зелени и все такое. Главное – улыбайся! Плохо сыграешь, хана всей операции. А, значит, и нашей программе.

– Если бы хлебнуть для убедительности.

– Сам видишь, нету.

– А это? – Морис указал на флакон с одеколоном. – Запах, конечно, не тот, но в рыло дышать не буду. Зато играть не придется.

– Печень не жалко?

– Фига ли ее жалеть? За такие-то деньги!

Геннадий посмотрел на бутылочку с одеколоном. Сурово предупредил:

– Но только для куража. Пропорции знаешь?

– Обижаешь, начальник, – подхватив со стола стакан, Морис поспешил к умывальнику. В спину ему Геннадий выдавал последние наставления:

– Уходишь из гостиницы, проверяешься. Чтобы никакого хвоста. Черт их знает, какие они тут тузы. Щелкать клювом не будем. Я в шкафу, ты на улице. Окна сам вычислишь. Как только все будет сделано, подам сигнал, – Геннадий на секунду задумался. – Сделаю так: сверну жгутом штору и протяну из угла в угол. Получится вроде креста. Как увидишь, возвращайся.

– А если не увижу?

– Фантазер, – Геннадий усмехнулся. – Не увидишь, все продолжается своим чередом. Плавал же ты до меня, плавай и дальше.

Должно быть, некое подобие испуга на лице Мориса отразилось, потому что Геннадий поспешил его успокоить.

– Не трясись, кинолог. Прижмем их в лучшем виде. Подавятся, как те твои щуки, обожравшиеся хамсой.

– Ну что, глотать? – Морис поднял стакан с мутноватой смесью воды и одеколона.

– Минутку! Для начала устроим этой девочке вызов в другой конец коридора.

– Это на фига?

Геннадий терпеливо вздохнул.

– В то время, когда она покидала пост, из номера вышел я, ферштейн? Вот почему она увидит только тебя одного.

Морис ошарашенно кивнул. Сердце под ребрами билось в сумасшедшем ритме. Заяц-трусишка вовсю наяживал на барабане.

С коридорной получилось даже проще, чем он предполагал. Только задним числом дошло, – из бани возвращались краснолицые, нагруженные покупками, сияющие. Со стороны вполне можно было принять за выпивших. Она, видимо, и приняла. Судила по своим незамысловатым меркам. Баня в будний день – что за нелепость? Впрочем и роль свою он сыграл вполне натурально. Только когда потянулся с американской бумаженцией к женской груди, дрогнула рука. Не умел он ДАВАТЬ деньги. Тем более таким вычурным образом. Но Геннадий оказался прав: лик незнакомого президента заморозил администраторшу. Бить по пальцам оборзевшего пьянчужку коридорная не стала, двадцать долларов

уютно втиснулись в пазуху между двумя пышными полушариями, родив глянцевою улыбку на ее лице. Разумеется, вино ему пообещали самое наилучшее.

Потом уже, торопливо спустившись вниз, он вышел на улицу и принялся перебирать в уме произнесенные фразы. Шагал вслепую, куда вели ноги. Лишь позже вспомнил о возможном «хвосте» и тут же стал лихорадочно озираться. Это было совсем не то, что в той прежней жизни на вокзалах. Там наметанным глазом они тотчас угадывали инородцев, участвующих в очередном очистительном рейде. Все имеет свои отличительные признаки, – находили таковые и у милицейской агентуры. Задерганный, неустроенный бомж – самое чуткое на белом свете существо. Опасность он зрит спиной, затылком, а зачастую и вовсе неизвестно чем, просыпаясь среди ночи и твердо зная: с этого места пора уносить ноги. Не вычисляя и не предчувствуя – попросту зная. Теперь же от Мориса требовалось иное знание, и иных инородцев следовало высматривать в толпе. Пытаясь сообразить, как должны выглядеть гостиничные воры, он свернул в какой-то двор и притаился за забором. Если его пасут, то обязательно заглянут следом... Он огляделся. Двор тупиковый. П-образный домина, арка, наглухо перекрытая ржавыми воротами. Ни дать, ни взять – готовая ловушка! Морис в сердцах сплюнул и торопливо выскочил на улицу.

В животе начинало остро посасывать. От завтрака остались одни воспоминания, а порция одеколона вызвала яростную изжогу. Или ожила старая язва? Болело ведь когда-то и крепко...

Томительным взглядом он проводил семенящую мимо девушку. Та на ходу по-мышинному быстро терзала зубками глазированную сдобу.

В одном из сквериков Морис опустился на скамью. Изучив окрестности, несколько поуспокоился. Так быстро организовать слежку они, конечно бы, не сумели. Да и на кой ляд им эта слежка?.. Он скрестил ноги, поглубже упихнул руки в карманы. Куртка была теплой, но голодная кровь организм абсолютно не грела, – становилось зябко. Объявись в наличии один-единственный червончик, – Морис заглянул бы в какой-нибудь кинотеатр. Но червончика не было. В карманах, девственно свежих и гладких, не было вообще ничего. Минус любой новой одежды. Блокнотики, авторучки, визитки и кошельки еще не заселили своих законных апартаментов, и оттого одежда продолжала оставаться чужой, по-прежнему непривычной. И Бог с ним – с червонцем, – сейчас Морис согласился бы на что угодно. Даже на какой-нибудь заваливающий

песенник. Полистал бы часок-другой, глядишь, и закемарил. Впрочем, вряд ли. Не та температурка и не тот ветер.

Брр!... Замахав руками, как птица, Морис снова поднялся. Быстрым шагом добрался до ограды и здесь некоторое время безучастно следил за шныряющими туда-сюда машинами.

Подумал о Геннадии. Как там ему в тесном шкафу? Небось, тоже не сладко. Но по крайней мере тепло. Морис запритопывал ногами. В старых дырявых ботинках было бы еще хуже. Он посмотрел вниз, поневоле залюбовался. Лаковые острые носки, изящный каблук, его размер. Странно, что это он. Странно и здорово!.. И немедленно тридцать пять исчезнувших лимонов стаяй черных воронов ворвались в сознание, карканьем разогнали радужный эфир. Морис повернул голову и с подозрением взглянул на мужчину с дипломатом, лениво прогуливающегося по аллее.

Очень уж хорошо одет. Или это и есть главный признак? Нынешние воры пошли не те. Любят иномарочный шик и крокодиловую кожу. Морис двинулся в направлении выхода, и мужчина, словно ждал этого, встrepенувшись, зашагал навстречу.

Вот оно! Самое главное и страшное! Ступень, с которой ни вверх, ни вниз. Пусть даже по Потемкинской лестнице... Из холода Мориса кинуло в жар. Не слишком удачно он изображал беспечность, но внутренне трепетал.

Мужчина неотрывно смотрел на Мориса, глаза его ничего не выражали. И было слышно, как шуршит при движении его кожаное пальто. Странно, но звук этот Морис различал даже на фоне машинного гула, на фоне собственного бушующего в висках пульса.

Что у него там в дипломате? Фомка для черепушек вроде Морисовой? Или старинный, но вполне еще работоспособный «Шмайсер»?

Мужчина приблизился и что-то спросил. Во всяком случае губы его пришли в движение, рот приоткрылся. Облачко пара вырвалось на свободу, поплыло вверх, медленно рассеялось. От волнения Морис не понял ни единого слова. Часы... Время?.. Ну, конечно! Мужчина интересовался временем! Елки-моталки!.. Словно спущенный баллон, Морис выдохнул разом все свои страхи и подозрения.

Пар его оказался значительно гуще и рассеялся не столь быстро. Мужчине же он ничего не ответил. Он попросту забыл о нем, как забывают дети о безвозвратно минувшей опасности.

Домой! В гостиницу!.. Морис заспешил. Отчего-то представилось, что и там все закончено. Закончено, разумеется, наилучшим образом, хотя Морис не сумел бы толком сформулировать, что он под этим подразумевает. Конкретика и то, что ему хотелось именовать наилучшим, не очень-то вязались между собой, однако делать иные выводы он попросту страшился.

От волнения Морис ошибся улицей, и для того, чтобы выйти к гостинице, пришлось описать порядочную дугу, обогнув замороженную стройку, школу, галдящую ученическими голосами, небольшой скверик с вечным огнем. Но потеряться тут было сложно, гостиницу он, разумеется, отыскал. И еще издали принялся выискивать нужные окна. Стекланные квадратики прыгали в глазах, никак не желая выстраиваться в упорядоченные ряды. Четвертый этаж – это значит минус три. Или все те же четыре от заснеженной кромки газонов... Нужное окно он в конце концов обнаружил, но штору, неестественным образом скрученную и вытянутую по диагонали, разглядел, только приблизившись к парадному входу.

Стоять в шкафу было в самом деле несладко. Вездесущая пыль забивалась в ноздри, провоцировала на чих, на шевеление. Однако Геннадий умел ждать. В особенно лихие моменты жизни он способен был скручивать характер в узел. Болезненность гарантировала прочность, а узлы – на то и узлы, чтобы просто так не развязываться. Включив «внешнюю систему слежения» на автомат, он погрузился в себя и словно ушел из тесного шкафчика, ушел вообще из гостиницы. Когда в настоящей жизни ничего нет, поневоле обращаешься к прошлому. Память – спасение неимущих, заповедный уголок, где вехами размечены все сколь-нибудь существенные достижения, где здоровешенькие разгуливают самые дорогие и близкие, и даже недруги еще не успели превратиться в таковых. Впрочем не всех интересуют живые образы, многие, убегая в прошлое, желают прежде всего видеть вехи. Именно вехи даруют успокоение, пусть временное, пусть иллюзорное. Всякий транквилизатор

сиюминутен. А веха или пронумерованный результат – не просто воспоминание, это тень собственной высоты, это кирпичик из фундамента, именуемого смыслом. Бытийную ненапраслину постигают наощупь, ибо видимость обратного – всюду. Бессмыслицей веет от произносимого, от стремительно растущих детей, от заплесневелых учебников истории. Но ведь так хочется расти! Ползти и двигаться хоть куда-нибудь! Вцепившись в канат, брошенный неважно кем и неважно откуда. Потому и «хайль!» первому позвавшему. Хуже, когда молчат и не зовут. И остается только его величество Предвремье, знаменующее убежавшие дни и повзрослевших подруг, юношески стройных, не разучившихся еще удивляться пустякам...

Звук отпираемой двери привел Геннадия в состояние боеготовности. Они откликнулись куда быстрее, чем он думал. Скрытый гостиничный механизм функционировал вполне исправно. Может, и ближайшее отделение милиции работало на подхвате, получая свою законную долю, пряча заявления потерпевших куда подале. В одном он только просчитался. Геннадий ожидал прихода самой коридорной, на худой конец – какого-нибудь щипачишки с бегающими глазками, а вошли двое. Кряжистые парни в спортивных костюмах, со скучающими физиономиями. Не доставая китайских фонариков и не надевая резиновых перчаток, они деловито включили свет, заперли за собой дверь. Один из них двинулся к тумбочке с кроватью, второй, бегло оглядевшись, шагнул к стенному шкафу.

Вряд ли он что-нибудь понял, распахивая дверцу. И вряд ли кто-то рассказывал ему о пушечном ударе постояльца. Кулак Геннадия швырнул вора на другой конец комнаты. Приятель поверженного успел только обернуться. Все-таки суперменами они не были. Обыкновенные люди с обыкновенными эмоциями. Говорят, при омовских операциях половина крутых мочится прямо в штаны. От банального страха. По бледному личику паренька Геннадий понял, что тот перепугался. Противник попытался встать в стойку, но это была лишь видимость. Намеренно спокойным шагом Геннадий приблизился к незванному гостю, жестко поинтересовался:

– Где деньги, маркиз? Тридцать пять желтеньких лимончиков?

Глупо было ожидать, что ему ответят, но скорого результата Геннадий и не ждал. Мыском ботинка он ударил парня под колено. Чувствуя, что звереет, подхватил с тумбочки стакан, шарахнул по бритому темени. Булька горлом, воришка осел на ковер. Допроса не вышло, да и черт с ним! С делом Геннадий,

в сущности, покончил. Шумно дыша, он оглядел неподвижные тела. Приблизившись к телефону, набрал две цифры. Коридорная подняла трубку, фальшиво поприветствовала звонившего.

– Нужен совет! – шепнул он. – Ноги в руки и бегом в номер!

Трубка мягко легла на клавиши. Геннадий снова посмотрел на парней. Если усомнится, перезвонит, а нет, прибежит и весьма скоренько.

В коридоре зацокали каблучки. Заслышав их, он нехорошо улыбнулся, отперев дверной замок, шагнул чуть в сторону. Сначала пусть увидит дружков. Кричать вряд ли станет. Да и не успеет.

Трое лежали связанные по рукам и ногам. Глаза им Геннадий также завязал. В ход пошли гостиничные простыни и полотенца. Одна из повязок была обильно забрызгана кровью, и Морис ощутил слабость в коленях. Он бы, пожалуй, упал, но Геннадий услужливо пододвинул ему стул.

– Не вибрируй, все живы-здоровы. Одному только малость шарабан попортил, но в пределах допустимой обороны.

– Какой еще обороны?

– Той самой, про которую в законах пара сказочек имеется. Дескать, что по понятиям, а что не очень.

– Что же теперь?

– А что теперь? – Геннадий величавым движением сунул в зубы спичку, забросил ногу на ногу. – Операция проведена успешно. Голоса их записаны, отпечатки пальцев сняты. Считай, три готовых сексота! – Геннадий подмигнул Морису. – А ты, дурак, спрашивал, зачем нам диктофон. Выгляни в окно, какой век на дворе? Без техники нынче никакие дела не делаются.

Морис раскрыл было рот, но Геннадий знаком велел ему молчать.

– Кстати, вот и твои двадцать баксов. Вернешь в бухгалтерию в целости и сохранности.

Пальцами Геннадий показал ему, что надо потихоньку собирать вещички и сматываться.

– Спустишься вниз, подождешь в вестибюле, – вслух произнес он. – Я тут дополнительный инструктаж проведу с гавриками. Надо, понимаешь, попрощаться. Не по-английски же уходить.

Морис повиновался. Действуя, как зомби, закинул лямку на плечо и вышел в коридор. Ноги по-прежнему были ватными, на лестнице ему пришлось опереться о стену рукой.

Хорошо, хоть ждать пришлось недолго. Геннадий присоединился к нему спустя три или четыре минуты.

– А теперь ходу, мессир! Возможно, вся эта липа сработает, но кто их знает, – Геннадий отобрал у него сумку. – Надеюсь, ты не разочарован, что я отказался от услуг милиции?

– Нет, конечно... – Морис не стал развивать тему. – А деньги они отдали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/schupov_andrey/gastroler

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)